

Штрихи к портрету Василия Шукшина

ОБОГРЕЕТ НЕЖДАНАЯ РАДОСТЬ

СУДЬБА неоднократно сводила меня с Василием Макаровичем Шукшиным. И потому, что мы учились в одни годы, хотя и в разных институтах — он во ВГИКе, я — в ГИТИСе. Но и по сей день удивляюсь, как сближало нас время, как перекрещивались наши пути. И неудивительно, например, что несколько лет назад, во время выступления в кинотеатре города Находки, мой старый товарищ Толя Ромашин, ныне народный артист РСФСР, вдруг сказал, что мы учились вместе. И это было не оговоркой. Хотя у нас были разные педагоги и разные вузы, но мы действительно учились вместе. И спорили до хрипоты, собираясь поздними вечерами то в Центральном Доме актера, то после студенческих капустников, то в общежитии или у кого-то из москвичей на дому.

Сегодня приходится по крупницам восстанавливать многое, ушедшее с годами. Мы были бесечно расточительными. Никому в голову не приходило, что то, о чем мы говорили, спорили, когда-то понадобится для полноты картины текущей истории. Теперь пытаюсь восстановить, когда мы впервые познакомились с Василием Шукшиным. И не нахожу точной записи. Хотя странно: к тому времени он уже опубликовал несколько рассказов в журнале «Октябрь», а Всеволод Кочетов в «Комсомольской правде» назвал его одним из перспективных молодых писателей. А вот встреча после защиты диплома во ВГИКе запомнилась: он снял фильм по своему сценарию, сыграл в нем как актер, и когда кто-то из членов комиссии иронично спросил: «Вы, что же, и музыку будете писать к своим картинам?» — он с чуть заметной злинкой сказал, будто отрубил: «Если надо, буду!».

Это довольно бурно обсуждалось тогда в студенческом кругу. И поскольку автору этих строк в то время пришлось хватить лиха именно на экзаменах по истории музыки в театральном институте, завязался довольно горячий разговор в общежитии ВГИКа. Василий Макарович был хмурым, говорил немногословно: «При чем тут музыкальная грамота, сольфеджио и прочее... Музыка живет в природе, в народном быте, наконец, в разговорной речи его... А кто ее берет? Где она звучит? И вообще, не об этом надо думать, а о том — есть ли русское кино? Что украинское кино или молдавское, вот Вася Паскару (ныне известный молдавский кинорежиссер, а тогда сокурсник Шукшина.— Ю. Ч.) пояснит тебе, — есть. А где оно, русское?» Завязался спор, который и тогда ничем не кончился.

Хотя свою идею русского кино Василий Макарович упорно отстаивал во всех снятых им фильмах, начиная с картины «Живет такой парень», к которой он шел после своего фильма-диплома долгих три года, бедствуя, живя по разным общежитиям, снимаясь в разных эпизодах. Потом были другие его фильмы. Вплоть до «Калины красной». В каких муках она рождалась — это особый разговор.

Начиналась она на Киностудии имени Горького, там же ее не приняв, решили было, что будет доделывать другой режиссер. Спас картину Сергей Федорович Бондарчук, пригласив Шукшина в свое творческое объединение на «Мосфильме». Сам же вместе с Шукшиным ездил представлять ее, задолго до выхода на экран. Волновался, будто за свою работу. Премьера прошла успешно, а вскоре «Калина красная» представляла «Мосфильм» на фестивале в Баку.

Волей случая мне довелось видеть ее вместе с жюри.

Помню, как мы вышли из зала, потрясенные увиденным. Вот тогда-то и вспомнился мне разговор о музыке, которая живет в народе. Она уже звучала в самом названии фильма. В самой песне о калине красной, к которой вдруг припадают душой Люба и Егор Прокудин незадолго до трагической развязки. Да и в начале, помните, как неожиданно звучат первые кадры, когда арестанты поют замечательную русскую песню «Вечерний звон», увя, запетую, затрепанную в ширпотребовском исполнении. Кадры эти, прямо скажу, шокировали, но так и было задумано Шукшиным. Позднее я спросил его: зачем он ввел эту песню да еще вложил в уста арестантов? «Так в этом вся соль, неужели не понял? — сказал он. — Она же как эпиграф ко всему. Без нее и Егора Прокудина не поймешь: человек ли он или подонок?» — «Человек, конечно...» — «Ну дак что ж ты? Посмотри на этих молодых парней, что так затрепанно поют святую для нас песню. Они ведь стриженные под одну гребенку... А они — разные, и за разные сели, кто по справедливости закона, а кто еще как... может, и по недосмотру... по легкомыслию... Да, по-всякому это бывает. Так стоит ли над одну гребенку всех стричь? Не потерянные они для нас, а живые люди... Слышал, как в зрительном зале со смешком встречают эти кадры? А потом? Хоть плачь, прислонясь к березке!.. Не вора и рецидивиста я воспеваю, как тут некоторые критики высказывались, а прошу людей: всмотритесь в человека и не просмотрите его!.. Задумайтесь: что в жизни сегодня ломает его?..»

Вот он и всматривался в обычного человека. Не забыть мне тех шематических кадров, когда Егор Прокудин приходит к деревенскому дому матери, а та смотрит на него в окошко, что сердце переворачивается: может, одним из первых почувствовал тогда, в Баку, важность материнской темы в творчестве Шукшина член жюри кинофестиваля украинский кинорежиссер Николай Машенко: «Знаешь, я бы только за это картине присудил бы главный приз... Как же надо чувствовать человеческое сердце, чтобы заставить и нас, зрителей, взглянуть на Егора Прокудина с пристальной материнской добротой и надеждой!..»

В СЯКОЕ говорили о Егоре Прокудине. Даже то, что, мол, Шукшин чуть ли не сам пережил нечто похожее. Доводилось мне слышать и такое. Что это полнейшая чепуха — и доказывать нечего. Жизнь Василия Макаровича, при всей его внешней вроде бы замкнутости как на ладони. Известно, что прошел он другие жизненные университеты: был и слесарем, и маляром, и грузчиком, и секретарем сельского райкома комсомола, и директором сельской же школы... Все это — до ВГИКа. И вот что он дал Егору Прокудину, так это свое сердце, тоску по селу, нравственности человека, живущего на земле своим трудом, тоску по матери, от которой был удален на тысячи километров и не всегда мог вырваться, навещать...

Однажды, это когда он еще жил в тесной квартирке в пятиэтажке где-то на окраине Москвы, мы долго с ним говорили на кухне, где и двоим-то разместиться трудно и где он писал по ночам, чтобы не мешать дочкам и жене, нечаянно смолая сигарету за сигаретой и взбадривая себя кофе. Я пришел утром, когда пепельница-вертушка на длинной ножке

уже не вмещала в себя окурки. А на плите стоял кофейник с облитыми боками. Радиатор парового отопления врезался острыми ребрами ему в бок, может, оттого столь ожесточенно и говорил Василий Макарович о том, как городская мораль приводит к крушению человеческой души, особенно того, кто соблазнился удобствами городской жизни. В качестве аргумента привел он пример с соседкой: «Деваха была что надо... Приехала скромная такая. А вот устроилась продавщицей, тут рядом. Косы обрезала. Хамить стала. Вместо глаз — медные пятики!» Ну, город ли виноват здесь? И можно ли делить мораль на городскую и деревенскую?

Рассказал я ему историю об откликном гребне под Златоустом на Урале. Стоят себе семь вершин, залежь на одну, ладони рупором сделав и крикнешь: «Кто украл сапоги?». И от каждой вершины к тебе вернется эхом: «Ты!.. Ты!..» «Ты!..» Так не принимаем ли мы иногда эхо за сущность? Василий Макарович усмехнулся: «Ну, конечно, дело в самой девке этой... Но бардаляра в нашей жизни городской хватает, разве не так? Попробуй она так в деревне себя испохабить, да там же все на виду, ей бы несдобровать. А здесь? Дело привычное. Что до твоей присказки про откликной гребень, то у нас на Алтае тоже такое есть. Я вот тут земляка своего изобразил. Плышет он по реке и от восторга кричит то же, но только чуть иначе, точнее: «Кто украл холсты?». А эхо от горных берегов ему так же отвечает: «Ты, ты, ты-ф!..» Я это в картину вставил. И опять-таки — со значением: не обрадываем ли мы себя в том, что закрываем на многое глаза, а?»

Вот с этим трудно не согласиться. Особенно теперь, когда многое виднее стало.

Нет, недаром, когда решался вопрос о месте съемок фильма «Живет такой парень», Шукшин выбрал свою родину. Ведь и сам Пашка Колокольников, сыгранный Л. Куравлевым, не просто шофер, а потомок тех, кто водил здесь по Чуйскому тракту первые наши машины «АМО». И потому в картине лейтмотивом звучит старая песня о шофере Кольке Снегиреве. Кстати, эта мелодия родилась в народе: «Есть по Чуйскому тракту дорога, много ездит по ней шоферов. Среди них был отчаянный шофер, звали Колька его Снегирев...». И слова эти — не профессионального поэта... Эту песню знал и любил с детства Василий Макарович.

— Мальчишками мы часто убегали к Чуйскому тракту, — рассказывает двоюродный брат Шукшина художник Иван Петрович Попов. — И, конечно, мечтали стать шоферами. Знали эту песню. Потом уж Василий нашел автора стихов — Михеева, он работал в авторемонтных мастерских. А мы-то думали, что это песня народная. Был ли Колька Снегирев? Наверное, был. Хотя место гибели его неизвестно. Когда снимался фильм «Живет такой парень», Василий нашел крутой поворот на тракте, где разбился другой шофер. Там есть памятник. Все это вошло в картину. Так же, как и песня, хотя Шукшину кто-то из композиторов говорил, что, мол, песня эта пошловатая. Он тогда очень рассердился: как может быть пошловатой песня, созданная народом? Она ведь — живая примета времени. Причем труднейшего. Мы, ребята (что мне тогда было, в 1939-м, — десять лет), хорошо помним, как по Чуйскому тракту шли этапы. Это горькие воспоминания...

Картину «Живет такой парень» Ва-

ся хотел посвятить Чуйскому тракту. В общем, так и получилось. Поскольку я художник и много писал здешние места, он призвал меня на помощь, чтобы в фильме наряду с людьми нашего края встал бы и сам портрет его родины. Работали с утра до вечера. Тут вспоминалось многое, трагическое. У нас же в 30-е годы фактически забрали всех мужчин в семье. Вася написал главы из неоконченной повести «Из детских лет Ивана Попова». Они документальны. Это он о себе написал. Ведь он вынужден был взять фамилию Попов.

Описывает он период войны, как переехали они в Бийск к отчиму, как работал он водовозом на быке, потому что лошадей уже позабрали. Мария Сергеевна, его мать, бережно собрала многое о сыне, байки его, были, рассказы...

И когда мы собрались после похорон Василия на девятый день за столом у Лиды Федосеевой, там были многие актеры, друзья Васи, Мария Сергеевна начала рассказывать, да так образно, ярко, что те, кто был там и впервые услышал Василину маму, сказали: так вот откуда все это у Шукшина! Она действительно дала сыну многое. Мария Сергеевна — рассказчица, и предводительницей среди всех женщин, и выдумщицей была, и по-народному мудрой. И откуда у нее все это бралось, трудно сказать!.. Все — от народа, наверное...

ВОТ И ХОЧЕТСЯ мне вернуться к началу. К тому, как понимал Василий Макарович Шукшин природу истинно русского кинематографа. Все картины его — и названные, и неназванные — действительно народные. И главное в них — человек, который ищет и утверждает человечность. Как и у всякого писателя, у него немало рассыпано автобиографического в повестях, рассказах. И в Пашке Колокольникове — его мечта, и в «Калине красной» — воспоминания детства и сердце, тоскующее по матери, по неброской красоте сельской жизни, даже в Степане Разине есть его черты...

Наши встречи были редкими. Их можно пересчитать по пальцам. Но как же они памятливы! Помню, как во время съемок эпизода в библиотеке в фильме «У озера» Наташа Белохвостикова читала стихи Блока, а Василий Макарович, игравший одну из главных ролей, стоял в дверях. Сергей Аполлинариевич Герасимов тихонько буркнул мне: «Смотри, как слушает Шукшин!..». И я не мог оторваться. Он не произносил ни одного слова. Но если бы во время всего этого эпизода оператор снимал бы только лицо Шукшина, могла бы родиться поистине поразительная по своей психологической насыщенности и человечности киноновелла. В фильм вошли лишь несколько кадров.

Однажды я сказал об этом Сергею Аполлинариевичу, и он неожиданно согласился, сказав почти афористично: «Мы поразительно расточительны от нашей скудости... Кто вернет то, как работал на съемочной площадке Шукшин?.. А ведь он был гениальный актер... И в режиссуре, и в писательстве... Он не делил себя...».

Перелистываю страницы, написанные Василием Макаровичем. И вдруг читаю — да это про него же само: «Выглянет солнышко, загорится какой-нибудь куст тихим огнем сверху... И вдруг обогреет тебя нежданная радость, так хорошо сделается, что стоишь и стоишь, и не заметишь, что стоишь и улыбаешься...».

Юрий ЧЕРЕПАНОВ.